

УДК 811.161.1

Русское отглагольное словообразование: сопоставительные аспекты лексикографической репрезентации

Талис Ольга Игоревна

Аспирант,

Псковский государственный университет,

180000, Российская Федерация, Псков, пл. Ленина, 2;

e-mail: olqatalis@mail.ru

Аннотация

Межъязыковые сопоставления с целью выявления интерференционного потенциала сопоставляемых единиц актуальны в плане обучения русскому языку как иностранному. Виды влияния родного языка на речь на изучаемом языке восходят к видам межъязыковых корреляций на различных языковых уровнях. В статье показано отрицательное влияние эстонского языка на русскую речь учащихся, обусловленное асимметрией корреляций в сфере моделей отглагольного словообразования. Предлагаются приемы предупреждения интерференции и формирования словообразовательной компетенции при помощи сопоставительного учебного словаря. Показана структура словарной статьи, указана вариабельность видов упражнений и заданий в зависимости от конкретного типа интерференции в отношении той или иной модели. Работа со словарем, проводимая наряду с учебниками, способствует снижению числа интерференционных ошибок.

Для цитирования в научных исследованиях

Талис О.И. Русское отглагольное словообразование: сопоставительные аспекты лексикографической репрезентации // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 4-5. С. 72-82.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, девербатив, асимметричные корреляции, межъязыковая интерференция, словообразовательная компетенция, сопоставительный словарь.

Введение

Особенности речевого употребления и языкового статуса русских глагольных форм, а также отглагольного словообразования, являются объектом исследовательского внимания как русских ученых [Беспаленко, 1984; Ирисханова, 2008; Пчелинцева, 2014; Шелховская, 2001; Шуваев, 2001; Gribanova, 2015; Nikitina, 2012;], так и лингвистов всего мира [Chrakovskij, 2012; Danko et al., 2014; Gladney, 2013; Gor, Vdovina, 2010; Josephson, 2015; Letuchiy, 2015; Spencer, Zaretskaya, 1998].

Прогнозирование и преодоление межъязыковой интерференции в сфере словообразования реализуется на базе сопоставительного подхода к описанию словообразовательной системы, проведенного на материале академических грамматик двух языков, например, русского и эстонского [Русская грамматика, 1980, 141-315; Eesti keele grammatika, 1995, 457-595]. Рассмотрение межъязыковых сходств и различий производится с позиции лингвометодической целесообразности с целью выявления интерференционной потенции языковых единиц [Загаштоков, 2012]. Влияние родного языка на освоение иностранного – одна из наиболее активно изучаемых проблем, но дающая наименее ясные результаты [Krall, 2008, 148]. В настоящее время мы можем констатировать отсутствие четких результатов в русско-эстонских компаративных исследованиях корреляций формальных словообразовательных средств на фоне общего словообразовательного значения.

Преподаватель, реализующий принцип учета родного языка учащихся, должен иметь четкое представление об интерференционном, а также транспозиционном потенциале словообразовательных моделей. Предотвращению проявления межъязыковой интерференции поможет целенаправленная работа,

к которой привлекаются методические приложения к учебнику РКИ, составленные с учетом этноязыковой принадлежности контингента учащихся [Никитина, 2014, 174]. Таким методическим приложением является предлагаемый нами сопоставительный словарь словообразовательных моделей, способствующий оптимизации формирования словообразовательной компетенции эстонских старших школьников.

От типов межъязыковых корреляций к типам влияния родного языка на изучаемый

На уровне межъязыковых корреляций словообразовательных моделей выделяются области полного совпадения, частичного совпадения и лакунарности, что на уровне речи учащихся обуславливает явления положительного и отрицательного переноса (трансференции и интерференции). При освоении *трансферентных моделей* у обучающихся формируется представление о соотношении словообразовательных средств эстонского и русского языка и вырабатывается устойчивый навык образования слов на русском языке по определенной схеме, а также их распознавания и семантизации с опорой на словообразовательную структуру. Например, $V+accu|j|-$ – $V+atsioon$: *penprodukcija* – *reprodukcioon* (значение результата действия); рус. $V+-н-$ – $V+-tud$ ('подвергшийся действию, являющийся его результатом'): *составной* – *kokkupandud* и несколько других моделей. Поскольку наличие симметричных корреляций является положительным фактором в освоении русского словообразования, нет необходимости говорить о таких моделях подробно.

Гораздо значимее то, что сопоставление русских и эстонских словообразовательных моделей девербативов показывает ярко выраженную асимметрию их корреляций, в чем кроется причина словообразовательной межъязыковой интерференции. Очевидное большинство корреляций составляют *интерферентные модели*. Причина данного явления кроется в том, что обычно русская словообразовательная модель помимо основного коррелята, который мы определяем на основе продуктивности модели и частотности производных в эстонском языке, имеет от одного до 11 соответствий, образующих менее частотные производные. Полифункциональность суффиксов, более широко представлен-

ная в эстонском языке [Kasik, 2009], обуславливает ложные аналогии в сфере асимметричных корреляций, что приводит к некорректному суффиксальному оформлению русских отглагольных дериватов.

Отрицательный перенос, в свою очередь, конкретизируется в двух вариантах.

Первый из них – ложные аналогии на уровне способов словообразования. Так, в русской речи эстонцев появляются определительные словосочетания, покомпонентно передающие значение эстонских сложных слов, когда, например, дериватам модели $V+щик/чик$ (названия машин, механизмов, приспособлений для осуществления действия') соответствует эстонская модель $V+us+S$. Создавая некорректное словосочетание, учащиеся образуют и несуществующее прилагательное по аналогии с производными одной из продуктивных моделей: *бомбильный самолет вместо бомбардировщик (ср.: эст. *rommi(tus) lepnik*). Таким же образом при продуцировании речи эстонцами появляются и *будильные часы, *будительные часы вместо будильник (ср.: эст. *äratuskell*), *купательное трико вместо купальник (эст. *ujumistrikoo*), *холодильный шкаф вместо холодильник (ср.: эст. *külmutuskapp*).

Второй вид проявления интерференции, представленный большим количеством «отрицательного» языкового материала, – ложные аналогии в сфере асимметричных корреляций аффиксов, затрудняющие восприятие русской речи в случаях, когда написанный текст включает отглагольные дериваты, и затрудняющие процесс коммуникации, когда в русской речи эстонцев появляются некорректные образования. Опираясь на твердо освоенный коррелят русской словообразовательной модели в родном языке, эстонские учащиеся руководствуются этим соотношением и в тех случаях, когда оно отсутствует. Например, основная корреляция моделей $V+ -mine - V+ -ni|j| -$ создает базу межъязыковой интерференции в том, что некорректные образования с суффиксом $-ni|j| -$ заменяют в русской речи эстонцев наименования процесса или акта действия со структурой $V+ -ств(о)$: *ворование, убивание вместо воровство, убийство (ср. эст. *varastamine, tapmine*); $V+к(a)$: сушение, покупание вместо сушка, покупка (ср.: эст. *kuivatamine, ostmine*). Рассмотренные выше интерферентные ошибки типа *ворование могут поддерживаться и аналогией с моделью $V+ -us$ (в эстонском языке имеются словообразовательные синонимы: *kuivatamine, kuivatus* – 'сушка', *puhastamine, puhastus* – 'чистка' и др.).

От прогнозирования интерференции к ее предупреждению

В качестве средства оптимизации освоения русского отглагольного словообразования учащихся предлагается разработанный нами на основе сопоставления учебный словарь. Словарь активного типа имеет практическую направленность и ставит целью формирование словообразовательной компетенции эстонских старших школьников. При формировании его корпуса были учтены отглагольные дериваты, представленные в учебниках для 10, 11 и 12 классов эстонских гимназий. Приведем пример словарной статьи на материале интерферентной модели, поскольку таких, как мы выяснили, подавляющее большинство.

Единицей описания в словаре является продуктивная русская словообразовательная модель, она же выступает в качестве заголовка словарной статьи (структурная схема и словообразовательное значение):

$V+ни|j|- /-ени|j|- /-ани|j|- /-и|j|- /-|j|^{-2}$ (-ние, -ание, -ение, -ие, -ье)

• предмет или множество предметов как результат или объект действия

За заголовочной зоной следует параллельное двуязычное описание материала, которое включает основную корреляцию моделей русского и эстонского языков, схематическое отображение процесса словообразования с обозначением производящей основы, направления словообразования и словообразующего средства, а также лексическую семантизацию производных. В случае словообразовательной асимметрии, когда русская словообразовательная модель имеет в эстонском языке несколько коррелятов, все они описываются в правой части статьи (табл. 1).

Таблица 1.

Параллельное описание материала в случае словообразовательной асимметрии

РЯ: $V+ни j - /-ени j - /-ани j - /-и j -$ (орфогр.: -ние, -ание, -ение, -ие) ИЗМЕН ять(ся) → изменЕНИЕ (результат такого процесса или действия, когда что-л. изменяют или что-л. изменяется)	ЭЯ: $V+-us$: <i>muutma</i> → <i>muutUS</i> (изменение)
	$V+-(t/d)is$: <i>keetma</i> → <i>keedIS</i> (варенье)
	$V+-e$: <i>istuda</i> → <i>istE</i> (сиденье)
	$S+-m$: <i>sõna</i> → <i>sõnuM</i> (сообщение)

Словарная статья содержит и тренировочную часть, включающую комплекс языковых, условно-коммуникативных и коммуникативных (подлинно-коммуникативных) упражнений. В каждом блоке упражнений присутствует противоинтерференционный компонент, в том числе включающий открытое сопоставление. В рамках приводимой словарной статьи учащимся предлагается:

1) восстановить словообразовательные пары, выделить производящую основу и суффикс;

2) подчеркнуть слова, образованные по данной модели (предполагается выбор из списка сочетаний, где присутствуют дериваты одноструктурной модели);

3) подобрать слово (отглагольный дериват данной модели) к толкованию;

4) перевести на русский язык словосочетания, подчеркнуть эстонские суффиксы и запомнить, что в русском языке всем им соответствует один суффикс;

5) заполнить пропуски; определить, в каком значении используются выделенные дериваты;

6) перевести на русский язык утверждение, аргументированно согласиться или опровергнуть, подготовить монологическое высказывание на основе более широкой постановки темы (предполагается самостоятельное свободное использование отглагольных дериватов наряду с мотивирующими глаголами).

Заключение

Созданию системы упражнений предшествуют межъязыковые сопоставления словообразовательных моделей, определяющие тип их взаимодействия и проявление воздействия эстонского языка на русскую речь учащихся. Ввиду различий на уровне проявления интерференции (при порождении или при восприятии речи) в каждой словарной статье типы упражнений и заданий будут варьироваться. Таким образом, представленная в словаре система упражнений, формирующих языковые и речевые словообразовательные навыки, реализует принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности: рецептивные навыки отрабатываются и реализуются в процессе чтения, продуктивные – говорения и письма – с выходом на уровень реальной коммуникации. Использование сопоставительного словаря словообразовательных моделей

как дополнительного средства обучения русскому языку в старших классах эстонских школ позволит более эффективно формировать словообразовательную компетенцию школьников, оптимизировать коммуникацию с носителями русского языка, снизив интерференционное влияние родного языка.

Библиография

1. Беспаленко А.М. Значимость морфонологических явлений в корне слова при отглагольном словообразовании: дисс. ... канд. фил. наук. Киев, 1984. 307 с.
2. Загаштоков А.Х. Сопоставительно-типологическое описание языков в методических целях // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. URL: <http://www.sisp.nkras.ru>
3. Ирисханова О.К. Отглагольная номинализация в современных парадигмах лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. научных трудов. М., 2008. С. 82-103.
4. Никитина Т.Г. Сопоставительные материалы в методическом приложении к учебнику русского языка как иностранного: фонетика // Петрова М.Г. (ред.) Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г.: в 3 ч. Белгород, 2014. Часть III. С. 173-175.
5. Пчелинцева Е.Э. Русское отглагольное имя действия и категория аспектуальности // Русский язык в школе. 2014. № 5. С. 80-86.
6. Русская грамматика. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.
7. Шелховская Н.И. Отглагольное словообразование в когнитивном аспекте: дисс. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2001. 219 с.
8. Шуваев М. Возможности отглагольной синтаксической деривации субстантивов: дисс. ... канд. фил. наук. М., 2001. 179 с.
9. Chrakovskij V. Hierarchy and Interaction of Russian Verb Categories (Aspect, Tense, Mood) // Scando-Slavica. 2012. Vol. 58. Is. 1. P. 49-76.
10. Danko S., Boytsova J., Solovjeva M., Chernigovskaya T., Medvedev S. Event-related brain potentials when conjugating Russian verbs: The modularity of language procedures // Human Physiology. 2014. Vol. 40. Is. 3. P. 237-243.

11. Eesti keele grammatika. 1. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1995. 659 lk.
12. Gladney F. On the syntax, morphology, and semantics of Russian verbal aspect // *Slavic & East European Journal*. 2013. Vol. 57. Is. 4. P. 628-648.
13. Gor K., Vdovina T. Frequency, regularity, and input in second language processing of Russian verb inflection // *Slavic & East European Journal*. 2010. Vol. 54. Is. 1. P. 7-31.
14. Gribanova V. Exponence and morphosyntactically triggered phonological processes in the Russian verbal complex // *Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 51. Is. 3. P. 519-561.
15. Josephson F. Grammaticalization Paths of Verbal Prefixes in Slavic and Other Indo-European Branches // *Scando-Slavica*. 2015. Vol. 61. Is. 2. P. 283-292.
16. Kasik R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009. 198 lk.
17. Krall I. Eesti keele käändevormide moodustamine ja kasutamisega seotud probleeme vene üliõpilaste kirjalikes töodes // *Õppijakeele analüüs: võimalused, probleemid, vajadused*. 2008. № 10. Lk. 137-195.
18. Letuchiy A. Historical development of labile verbs in modern Russian // *Linguistics*. 2015. Vol. 53. Is. 3. P. 611-647.
19. Nikitina T. Russian verboids: A case study in expressive vocabulary // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. Is. 2. P. 165-189.
20. Spencer A., Zaretskaya M. Verb prefixation in Russian as lexical subordination // *Linguistics*. 1998. Vol. 36. Is. 1. P. 1-39.

Russian deverbal derivation: comparative aspects of lexicographical representation

Ol'ga I. Talis

Postgraduate,

Pskov State University,

180000, 2 Lenina sq., Pskov, Russian Federation;

e-mail: olqatalis@mail.ru

Abstract

The subject of the research represented in the article refers to Russian-Estonian comparative and contrastive studies. Our contribution to the named field is focused on word-formational level, e.g. derivation of deverbal nouns and adjectives. The necessity of researching is dictated by the fact of insufficient usage of derivative potential in Russian as a foreign language teaching practice in Estonian schools. Explaining relevancy for both theoretical and applied aspects, word-formation is also considered to be one of the less precisely studied areas in Russian and Estonian languages. The analysis of derivational models in both languages has demonstrated asymmetrical disposition of the correlations. This fact provokes incorrect constructing and decoding of meaning of derivative units in Russian speech of Estonian pupils. The article stresses that the prevailing amount of derivational models may cause interference affected by the learner's mother tongue. The analysis held explicates the areas of difficulties and makes errors predictable and preventable. The author suggests the system of optimization of developing word-formative competence of Estonian students using comparative word-formative dictionary. The article describes the structure dictionary entry, which is aimed to provide effective obviation of negative influence of learner's mother tongue. The comparative dictionary appliance is to improve communication with native Russian speakers.

For citation

Talis O.I. (2015) Russkoe otglagol'noe slovoobrazovanie: sopostavitel'nye aspekty [Russian deverbal derivation: comparative aspects of lexicographical representation]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 4-5, pp. 72-82.

Keywords

Deverbals, asymmetric correlations, erroneous analogies, interference, word-formative competence, comparative dictionary.

References

1. Bepalenko A.M. (1984) *Znachimost' morfonologicheskikh yavlenii v korne slova pri otglagol'nom slovoobrazovanii. Doct. Diss.* [Relevance of morphonological phenomena in radical in deverbal derivation. Doct. Diss.]. Kiev.

2. Chrakovskij V. (2012) Hierarchy and interaction of Russian verb categories (aspect, tense, mood). *Scando-Slavica*, 58 (1), pp. 49-76.
3. Danko S., Boytsova J., Solovjeva M., Chernigovskaya T., Medvedev S. (2014) Event-related brain potentials when conjugating Russian verbs: The modularity of language procedures. *Human Physiology*, 40 (3), pp. 237-243.
4. *Eesti keele grammatika. I* [Estonian grammar. 1] (1995) Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut.
5. Gladney F. (2013) On the syntax, morphology, and semantics of Russian verbal aspect. *Slavic & East European Journal*, 57 (4), pp. 628-648.
6. Gor K., Vdovina T. (2010) Frequency, regularity, and input in second language processing of Russian verb inflection. *Slavic & East European Journal*, 54 (1), pp. 7-31.
7. Griбанова V. (2015) Exponence and morphosyntactically triggered phonological processes in the Russian verbal complex. *Journal of Linguistics*, 51 (3), pp. 519-561.
8. Iriskhanova O.K. (2008) Otglagol'naya nominalizatsiya v sovremennykh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya [Verbal nominalization in the modern paradigm of linguistic knowledge]. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike: sb. nauchnykh trudov* [Paradigms of knowledge in modern linguistics: coll. of papers]. Moscow, pp. 82-103.
9. Josephson F. (2015) Grammaticalization paths of verbal prefixes in Slavic and other Indo-European branches. *Scando-Slavica*, 61 (2), pp. 283-292.
10. Kasik R. (2009) *Eesti keele sõnatuletus* [Estonian word-formation]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
11. Krall I. (2008) Eesti keele käändevormide moodustamine ja kasutamise seotud probleemid vene üliõpilaste kirjalikes töedes [Problems in the field of formation of Estonian case-forms and their use in written texts of Russian students]. In: *Õppijakeele analüüs: võimalused, probleemid, vajadused* [The analysis of learner's mother tongue: possibilities, problems, needs], 10, lk. 137-195.
12. Letuchiy A. (2015) Historical development of labile verbs in modern Russian. *Linguistics*, 53 (3), pp. 611-647.
13. Nikitina T. (2012) Russian verboids: A case study in expressive vocabulary. *Linguistics*, 50 (2), pp. 165-189.

14. Nikitina T.G. (2014) Sopostavitel'nye materialy v metodicheskom prilozhenii k uchebniku russkogo yazyka kak inostrannogo: fonetika [Comparative materials in the methodical application to the textbook of Russian as a foreign language: Phonetics]. In: Petrova M.G. (ed.) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki: sbornik nauchnykh trudov po materialam IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 oktyabrya 2014 g.: v 3 ch.* [The theoretical and applied aspects of modern science: a collection of scientific papers based of IV International scientific-practical conference, October 31, 2014.: 3 parts], Part 3. Belgorod, pp. 173-175.
15. Pchelintseva E.E. (2014) Russkoe otglagol'noe imya deistviya i kategoriya aspektual'nosti [Russian verbal nouns of activity and the aspectuality]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language in school], 5, pp. 80-86.
16. *Russkaya grammatika. 1* [Russian grammar. 1]. (1980) Moscow: Nauka.
17. Shelkhovskaya N.I. (2001) *Otglagol'noe slovoobrazovanie v kognitivnom aspekte. Doct. Diss.* [Verbal derivation in the cognitive aspect. Doct. Diss.]. Chelyabinsk.
18. Shuvaev M. (2001) *Vozmozhnosti otglagol'noi sintaksicheskoi derivatsii substantivov. Doct. Diss.* [Opportunities of verbal syntactic derivation of substantives. Doct. Diss.]. Moscow.
19. Spencer A., Zaretskaya M. (1998) Verb prefixation in Russian as lexical subordination. *Linguistics*, 36 (1), pp. 1-39.
20. Zagastokov A.Kh. (2012) Sopostavitel'no-tipologicheskoe opisanie yazykov v metodicheskikh tselyakh [Confrontative-typological description of languages for methodical purposes]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary researches of social problems], 4. Available at: <http://www.sisp.nkras.ru> [Accessed 12/03/2015].